

ни опровергнуть. Она возможна, так же как и гипотеза о 957 г. Рассказ Скилицы не содержит достаточных хронологических опор. В такой ситуации решающее значение, как нам кажется, приобретают показания «Повести временных лет», которые прямо противоречат предположению о поездке киевской княгини в Константинополь в 946 г. Текстологическое изучение отрезка Повести за 945—947 гг., начатое А. А. Шахматовым, если бы оно дало какие-либо определенные результаты, а также, возможно, те или иные новые данные были бы весьма желательны для того, чтобы внести больше ясности в этот остающийся дискуссионным вопрос.

РЕПЛИКА К СТАТЬЕ

Предлагая в 1981 г. датировать описанную Константином VII поездку княгини Ольги в Константинополь 946 г., а не традиционно принимаемым в историографии 957 г., я надеялся на дискуссию по этому небезразличному для ранней древнерусской истории вопросу. В последние годы мою аргументацию признали убедительной такие исследователи, как Л. Мюллер, В. Водофф, Ф. Тиннефельд¹. Однако дискуссию в подлинном смысле открывает именно эта статья А. В. Назаренко, представляющая, несомненно, большой интерес. Автор не отвергает полностью возможность отстаиваемой мной датировки (946 г.), но он последовательно и методично ослабляет приводившуюся мной аргументацию, предпочитая прежнюю дату (957 г.). Доводы А. В. Назаренко не представляются мне безупречными, и развернутый ответ автору был бы, казалось, естественной реакцией. Однако я убежден в том, что в ближайшее время нужно дать возможность высказаться по существу доказательств обеих сторон «третьей стороне» — другим ученым. Поэтому я позволю себе здесь пока лишь краткую реплику, не слишком отдаляясь от главного, лежащего в основе спора источника — описания путешествия Ольги Константином VII.

А. В. Назаренко считает мой заключение о восседании 9 сентября царицы Елены и ее невестки (Берты?) на одном троне Феофила основанными на «необязательном прочтении текста». Но это мнение ошибочно, если, конечно, не вводить в текст конъектур. Обе царицы сидели вместе на одном троне во время пира. Невестка до обеда занимала не детское низкое кресло и не могла вообще сидеть (по этикету) на каком-либо ином удобном для девочки сиденье (автор полагает, что таковое могло найтись во дворце). Она занимала до пира царское «золотое кресло», т. е. трон, который был ниже трона Феофила не потому, что был детским, а потому, что был предназначен не для автократора и не для старшей царицы, а для соправителей и младших царей. Небрежность автора или переписчика соответствующего пассажа источника (забыл, как предполагает А. В. Назаренко, указать, какое сиденье занимала невестка за столом) в принципе, разумеется, возможна, но следует учесть, что в 15-й главе всюду, где указано, на каком троне восседал василевс (или деспина), обязательно отмечено, на чем сидел соправитель — Роман II (или невестка старшей царственной пары). В рассматриваемом же месте речь идет лишь о троне Феофила. На любое же (удобное!) кресло пересадить невестку с низкого трона было нельзя — она царица, хотя и младшая, и могла сидеть также *лишь на троне*.

А. В. Назаренко ошибается, по моему мнению, и в том, что мы недостаточно знаем придворный церемониал и порядок титулования императоров («византийский протокол»). Напротив, эта сторона дела довольно хорошо изучена. В частности, иерархическая последовательность перечня членов правящей семьи в официальных документах соблюдалась неукоснительно. Из упоминаний о невестке в 15-й главе (она всюду названа на последнем

¹ Müller L. Die Taufe Russlands. München, 1987. S. 78; Vodoff V. Naissance de la chrétienté russe. Condé-sur-l'Escaut, 1988. P. 52; Tinnefeld F. Die russische Fürstin Olga bei Konstantin VII und das Problem der «purpurborenen Kinder» // Russia medievalis. 1987. T. VI, 1. S. 30—37.

месте) с несомненностью, на наш взгляд, следует, что у нее еще не было от Романа II детей: ни сына Василия (он родился в начале 958 г.), ни какой-либо дочери, которая была бы старше Василия.

Если бы дело обстояло иначе, то ребенок Романа II и «невестки» был бы непременно «порфирородным». В таком случае мать (вслед за отцом) упоминалась бы ранее своего ребенка. Именно так дважды «деспина» (Елена) упомянута в разбираемом пассаже ранее своих порфирородных детей. Существенно, однако, что в обоих случаях все члены семьи (начиная с деспины) обозначены в качестве *окружения* автократора (он «с деспиной и . . . детьми»), в третьем же случае, когда надо было этих же членов семьи перечислить особо (автократор и соправитель. . . и дети), то для упоминания о деспине не нашлось места (либо это, как я полагаю, пропуск, либо вынужденное умолчание, так как в данной редакции фразы на *втором* месте должен был быть обязательно упомянут Роман II — совазилевс, а не просто один из «порфирородных»).

Итак, если и допустима гипотеза о наличии у Романа II во время описываемых приемов дочери, которая была бы старше Василия, то следует допустить также, что она была внебрачной. Но тогда возникает весьма трудный вопрос о принципиальной возможности двух-четырёхлетнего незаконнорожденного дитяти (отцу в 957 г. было не более 19 лет) присутствовать на официальных приемах.

По сути дела, я считаю приведенные выше контраргументы в статье А. В. Назаренко главными. Что же касается других, то разбор их потребовал бы гораздо больше места. Общеисторическая ситуация в 946 г. у восточных и южных границ империи, по моему мнению, не противоречит свидетельствам Константина Багрянородного в 15-й книге столь радикально, как думает А. В. Назаренко. Характер же русско-византийских отношений в 946 г. оправдывал поездку Ольги в Константинополь в большей мере, чем в 957 г. Особых хронологических затруднений, в отличие от автора статьи, я здесь не вижу. Летопись не исключает кампании Ольги против Искоростеня в 945 г., а не в 946 г. (кризис на Руси — восстание древлян — был, как я думаю, ко времени поездки Ольги уже ликвидирован).

Г. Г. Литаврин